

Умерла Наталья Дудинская

Кашнерсантаб - 2003. - 30 сев. - с. 22.

некролог

В Петербурге на 91-м году жизни скончалась Наталья Дудинская — легендарная балерина, у которой легендарным было все: танцы, воля, стремление к власти, власть. Ничего подобного в советском балете не было, нет и сейчас.

Наталья Дудинская стала последней звездой ленинградского большого стиля. В жизни она совершенно не походила на излюбленный сталинской эпохой женский тип — ни роскошных плеч, ни тяжелых причесок, ни стати и тяжелого профиля генеральши. Эффект монументальности Дудинская производила исключительно своими танцами. И в этом смысле у нее было все: удачные пропорции классической балерины, напор, темперамент, воля к форме, непререкаемый, беспощадный к себе фанатизм.

В жизни она эталонно соответствовала образу сталинской лауреатки. Сличным автомобилем, который знал весь тогдашний Ленинград, к частным авто еще не привыкший, и с квартирой, которая к финалу жизни стала, как все лауреатские квартиры, больше походила на именной музей, чем на жилье: огромные, немного запущенные комнаты, антикварная мебель, стены густо покрыты дарственными фотографиями и

портретами хозяйки в лучших ролях. Сама хозяйка всегда в полном макияже и с прической, как будто только что встала с парикмахерского кресла и как будто бы фанатизм и воля к форме, которые Дудинская вкладывала в свои танцы, теперь, когда танцев не стало, целиком ушли в заботы о внешности. Свою последнюю роль — роль царствующей, но не правящей хозяйки петербургского балета — Дудинская доиграла тоже эталонно.

В молодости в ней не было ни бронзового великолепия, ни хотя бы ледяной спеси. Дудинская ныряла с десятимет-

ровой вышки, пела под гитару и вполне обходилась бутербродами с колбасой. Вообще, кажется, за эталонную «классику» ее приняли только по недоразумению. Достаточно посмотреть киноплёнки, чтобы увидеть, что в танцующей Дудинской на самом деле избыточно все, включая прославленный темперамент и не менее прославленный напор вращений. В городе, где женщине считалось приличным красить либо глаза, либо губы, а лучше не красить лицо вообще, Дудинская красила все, ее туалеты вне сцены заставляли жмуриться, но никто никогда не подумал бы ее в этом упрекнуть или хотя бы просто усомниться в ее вкусе. Она жила, как танцевала, на полную катушку, и ее неутомимое, очень страстное, захлебывающееся жизнелюбие попросту снимало вопрос о хорошем вкусе. Как многих успешных ленинградских балерин, Дудинскую неоднократно пытались сманить в Москву, в Большой театр. Она прекрасно понимала, почему этого не сделает никогда: во-первых, в Ленинграде была ее педагог Агриппина Ваганова, во-вторых, в Москве она быстро растворилась бы среди таких же колоритных лауреаток-тигриц, путешествующих по правительственным концертам.

Удивительно, что ее влияние сохранилось даже тогда, когда она закончила танцевать. Для того чтобы стать хорошим педагогом, ей не хватало терпения: к известности двух самых известных сегодня своих выпускниц — Ульяны Лопаткиной и Анастасии Волочковой — их школьная учительница не имеет никакого отношения. Тем не менее с годами влияние Дудинской и не думало убывать. Очень банально списывать все на мужа-хореографа и видного балетного чиновника Константина Сергеева. Это влияние выглядело необъяснимым и даже подчас раздражало, потому что не каждый артист способен на здравые суждения о чужих спектаклях и общем движении искусств. Но раздражение прошло, когда стало ясно, что именно Дудинская была среди тех людей-великанов, которые в 1930-е нечаянно сделали классический балет, искусство, чуждое народу, важнейшим из искусств. Люди дрались, выясняя, кто лучше — Уланова или Дудинская, а пары распадались или соединялись на почве 32 фуэте. Выросли наука и ряд профильных кафедр. И то, что о событиях из зазеркальной в общем-то жизни балета регулярно отчитывается ежедневная федеральная газета, никого особенно не удивляет до сих пор.

ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА